

— О, зфери! — в ее голосе смешались отвращение и отчаяние. — Они потоптали сфой сопственный город!

— Может быть, нам передохнуть, мама? — спросил Карл.

— Перетохнуть?

Она горько засмеялась. Но вместе с тем куда-то исчезла ее решимость. Теперь она металась из стороны в сторону, явно пытаясь решить, куда безопаснее всего бежать.

Внезапно, где-то через пару улиц, раздалась серия взрывов, от которых затряслись дома. За взрывами последовала ружейная пальба, а затем громкий гневный крик, подхваченный другими воплями. Будто бы обращаясь к Карлу, мать бормотала, рассуждая сама с собой:

— Улицы непесопасны... Сопак пофсуду... Нам надо попытаться искать правительственных зольдат и просить у них протекции...

— А вдруг это те, плохие, солдаты, мама?

— Нет, Карл. Они хорошие зольдат. Они осфобоштают Парис от тех, кто дофель город до руинен.

— Пруссаки?

— Коммунисты, Карл. Ясно было, что дело этим коншится. Что са турак был тфой отъец.

Карл удивлен, услышав презрение в ее голосе. Раньше она всегда говорила, чтобы он брал пример со своего отца. Карл растерян. Он начинает плакать. В первый раз с того момента, как они покинули дом, он чувствует не просто неудобство — нет, его заливает ощущение непоправимого горя.

— О майн готт! — мать хватается и трясет его. — Нам только не хфатать тфой нитья в дофершение фсего. Ну-ка, Карл, успокойся!

Он закусывает губу, но рыдания по-прежнему сотрясают все его тело.

Мать гладит его по голове.

— Тфой мамошка устал, — говорит она. — Она фсегда выполнять свой долг. — Она вздыхает. — Но сколько же мощно!

Карлу понятно, что это не его — себя она утешает. И даже гладит его по волосам, чисто машинально, чтобы успокоиться. В ее движениях нет истинной любви. Почему-то от понимания этого Карла пронизывает чувство острейшей нежности к ней. Да, им приходилось трудно. Нелегко, даже когда был жив отец. В их магазине никто не покупал одежду только потому, что у них немецкая фамилия. А мать защищала Карла от худших из оскорблений и колотила мальчишек, которые бросали в него камни.

Он прижимается головой к ее животу.

— Б-будь мужественна, мама! — неуклюже шепчет он.

Она смотрит на него удивленно.

— Мушество? Какой нам профит от мушества? — она хватается Карла за руку. — Комм, мы найдем зольдат.

Карл снова трусит рядом с ней. Никогда он не чувствовал такой близости с ней, как сейчас. И не потому, что она указала к нему любовь, — нет, потому что он САМ оказался способен выразить ей свою любовь. А ведь еще недавно он чувствовал вину оттого, что не любит свою мамочку так, как надлежит это делать хорошим мальчишкам.

Они выходят на улицу пошире. Это Рю дю Бак. Это отсюда доносились звуки, которые они давеча слышали. Коммунары были отброшены хорошо обученными версальскими солдатами. Версальцы, столь многократно битые пруссаками, отыгрывались на своих непокорных соотечественниках. Большинство коммунаров были вооружены винтовками с привинченными штыками. Они уже давно израсходовали патроны и теперь использовали винтовки как копыя. Большинство коммунаров были в гражданской одежде, но среди них находилась и горстка национальных гвардейцев в грязной светло-голубой форме. Карлу бросается в глаза, что над головами коммунаров в одном месте еще вздымается рваный красный флаг. В сражении участвует много женщин. Карл видит, как одна женщина добивает штыком раненого версальца, лежащего на земле. Мать тащит Карла прочь. Карл чувствует, что она вся дрожит. Они бегут по Рю дю Бак. Улица делает поворот. Миновав поворот, они видят еще одну баррикаду. Затем раздается страшный грохот, взрыв — и баррикада разлетается на части. Сквозь пыль и щебень Карл видит, как разлетаются в разные стороны тела. Большинство убитых — дети, его ровесники. Ужасающий вой заполняет улицу. Он переходит в страшный гневный рык. Уцелевшие коммунары открывают пальбу по невидимому врагу. Снова раздается низкий вой, и взрыв сметает остатки баррикады. На секунду воцаряется тишина. Затем из ближайшего дома выскакивает женщина. Она что-то кричит. В руках у нее горящая бутылка, которую она кидает в распахнутое окно своей собственной клетушки. Карл видит, что в доме на противоположной стороне улицы начинается пожар. Непонятно, зачем это люди поджигают свои собственные дома.

Но вот, среди обломков баррикады, из дыма, возникают версальцы в своих красивых, темно-синих с красным, мундирах. В глазах у них отражается пламя пожара. Карлу они кажутся куда более страшными, чем национальные гвардейцы. Вслед за ними из дыма вылетает офицер на черном коне. Он что-то кричит. У него такой же пронзительный голос, как и у той женщины, что бросила бутылку. Всадник потрясает саблей. Мать Карла делает шаг к солдатам, а затем останавливается. Поворачивается, а затем бежит в противоположном направлении. Карл бежит с ней.

Раздалось несколько выстрелов. Карл заметил, что пули ударяют в стены домов. Он тотчас же понял, что стреляют в него и его мать. От возбуждения он осканился.

Они перебежали на другой тротуар и начали пробираться сквозь нагромождения обломков мебели — то, что осталось от баррикады — пытаюсь войти в разрушенное здание. По всему было видно, что здание разрушено не сегодня. Наверное, оно пало жертвой осады, когда пруссаки брали Париж. Мать с Карлом укрылись за полуобвалившейся стеной, пока мимо пробегали солдаты. Когда солдаты исчезли, мать села на обломок рухнувшей каменной лестницы и начала плакать. Карл гладил ее по волосам, желая разделить с ней ее горе.

— Тфой отъец не имель прафа остафлять нас, — проговорила она.

— Мужчины должны сражаться, мама, — говорит Карл. Эти самые слова сказала ему мать, когда отец вступил в гвардию. — Он сражался за Францию.

— Не за Францию, а за красных, за безумцев, которые устроили фесь этот ад! Карл ничего не понял.

Вскоре мать задремала, сидя среди руин. Карл свернулся рядом с ней и тоже уснул.

Когда они проснулись, солнце стояло уже высоко. Дыма стало еще больше. Дымом тянуло отовсюду. Дома со всех сторон горели. Мать Карла с трудом встала. Не глядя на Карла, не говоря ему ни слова, она схватила его за руку. Сила хватки была такова, что вынуждала Карла морщиться от боли. Шаркая башмаками по камням, волоча за собой рваные грязные юбки, мать поволокла Карла на улицу. Возле дома стояла молодая девушка с мрачным лицом.

— Добрый день, — сказала она.

— Они фсе еще срашаются?

Похоже, девица еле-еле разобрала акцент матери, до того он стал сильным. Она нахмурилась.

— Они... фсе... еще... срашаются? — переспросила мать Карла, говоря как-то странно медленно.

— Да, — девица пожала плечами. — Они убивают всех. Каждого.

— А там? — мать Карла указала в сторону Сены. — Там?

— Да. И там тоже. Везде. Но там больше всего. — Девица указала куда-то в сторону Монпарнаса. — А вы что, бомбистка?

— Та нет, конешно, о майн готт! — Мадам Глогауэр гневно сверкнула глазами на девицу. — А вы?

— А мне не дали, — с сожалением сказала девица. — Нефти не хватило. Мать Карла потащила его назад тем же путем, каким они сюда пришли. Некоторые пожары уже потухли. Похоже, они причинили зданиям мало вреда. Нефти не хватило, думал Карл.

Прижав рукав ко рту, мать Карла прокладывала путь через завалы трупов и обломки баррикад. Несколько бродивших здесь мужчин и женщин, которые, по всей видимости, искали погибших друзей или родственников, не обратили на Карла и его мать никакого внимания.

Карлу казалось, что в мире теперь куда больше мертвых, нежели живых. Они вышли на бульвар Сен-Жермен, направляясь в сторону набережной д'Орсе. На противоположном берегу реки дюжина зданий пылала, подобно гигантским кострам. Черный дым заволакивал ясное майское небо.

— Я очень пить хочу, мама, — простонал Карл. Дым и пыль наполняли его рот. Мать не обратила на его слова никакого внимания.

Им встречались покинутые баррикады, усеянные трупами. Теперь на них хозяйничали победители и зеваки. Неподдалеку виднелись группки версальцев. Солдаты стояли, опираясь на винтовки, покуривали, поглядывали на пожары и перекидывались словечком-другим с горожанами, которые торопились выказать свою ненависть к коммунарам. Карл увидел группу пленников. Руки их были связаны веревкой, и они сидели с несчастным видом кружком под охраной солдат. Стоило где-нибудь показаться коммунару, как его тут же встречала пуля или удар штыка. Красных флагов больше нигде не было видно. Где-то вдальке гремела канонада и треск винтовочных выстрелов.

— Ну, наконец-то.

Мадам Глогауэр пошла к солдатам.

— Мы скоро фернемся в наш дом, Карл! Если только они не сошли наш дом.

Карл заметил пустую бутылку из-под белого вина, валяющуюся в сточной канаве. Бутылку можно было бы наполнить водой из реки. Карл успел подхватить ее, несмотря на то, что мать тащила его за собой.

— Мама, мы могли бы...

Она остановилась.

— Што это у тебя? Прось сейчас ше эту грязь!

— Мы могли бы наполнить ее водой. — Скоро мы напьемся втофоль. И поетим.

Она отняла у Карла бутылку.

— Если мы не путем сохранять респектабельность, Карл...

Она обернулась на выкрик. Группа граждан указывала на нее пальцами. Солдаты сорвались с места и бежали, тяжело бухая сапогами. Карл услышал слово «бомбистка», повторенное несколько раз. Мадам Глогауэр покачала головой и отбросила бутылку.

— Она пустая! — спокойно сказала она. Ее не слушали. Солдаты остановились и подняли винтовки. Мать Карла протянула руки к ним. — Послушайте, это пустая пугылька! — закричала она.

Карл вцепился в нее.

— Мама!

Он пытался схватить ее за руку, но мадам Глогауэр, прикладывая всю свою силу, тянула руки к солдатам.

— Они тебя не понимают, мама.

Мадам Глогауэр сделала шаг назад, затем другой, а затем повернулась и побежала. Карл побежал было за ней, но споткнулся и упал. Мать исчезла в небольшой аллейке. Мимо Карла пробежали солдаты и тоже скрылись в аллее. Вслед за солдатами пробежали горожане. Они пронзительно истерично кричали. В голосах их слышалась ненасытная жажда крови. Карл поднялся на ноги и тоже побежал. Послышалось несколько выстрелов и несколько выкриков. К тому времени, когда Карл добежал до аллеи, солдаты уже шли назад. Горожане же стояли, обступив что-то лежащее на земле. Карл протолкался вперед. Зеваки осыпали его ругательствами, дали несколько подзатыльников, затем они отвернулись.

— Эти красные свиньи используют женщин и детей, чтобы те воевали за них, — сказал какой-то мужчина. Он злобно взглянул на Карла. — Чем скорее Париж будет очищен от такого сброда, тем лучше.

Мать лежала лицом вниз в уличной грязи. На ее спине расплывалось темное влажное пятно. Карл подошел поближе и обнаружил, что это кровь. Рана на спине матери все еще кровоточила. Никогда прежде Карлу не приходилось видеть кровь матери. Он изо всех сил попытался перевернуть ее на спину, но безуспешно — его силенок не хватало.

— Мама?

Внезапно все ее тело приподнялось в жадном сухом вдохе. Она застонала.

Дым застилал небо. Наступал вечер, и город пылал. Повсюду красные сполохи распарывали ночь. Ухали выстрелы, но людских голосов больше не было слышно. Даже редкие прохожие, которых Карл умолял помочь его раненой матери, молчали и шли мимо. Один или двое даже грубо рассмеялись. С помощью Карла мать ухитрилась перевернуться и теперь сидела, прислонясь спиной к стене. Она трудно дышала и, кажется, не узнавала Карла, неотступно уставившись, как и всегда, куда-то вдаль. Растрепанное лицо тревожное лицо. Карл хотел принести ей воды, но боялся оставлять ее одну. Наконец он вскочил и заступил дорогу какому-то мужчине, что шел в сторону бульвара Сен-Жермен.

— Пожалуйста, помогите моей матери, месье! — сказал он.

— Помочь ей? Ну конечно! А потом они меня тоже расстреляют. Хорошо это будет, по-твоему, а?

Мужчина запрокинул голову и зычно рассмеялся. Затем пошел своей дорогой.

— Она никому ничего не сделала плохого! — закричал Карл.

Мужчина остановился, как раз дойдя до поворота.

— А это с какой стороны посмотреть, молодой человек, — он указал на бульвар. — Вон кто тебе нужен! Эй, вы! Стойте! Тут для вас еще пассажир!

До ушей Карла донесся пронзительный скрип. Затем скрип прекратился. Мужчину, стоя у поворота, обменялся несколькими словами с кем-то невидимым. Затем мужчина исчез. Инстинктивно Карл подался назад — у него мелькнуло смутное ощущение, что его матери угрожает опасность. Из-за поворота появился какой-то мерзкий старик.

— Продыха не дают, оканные! — пожаловался он Карлу.

Старик отодвинул Карла в сторону, кряхтя, вскинул мадам Глогауэр на плечо, повернулся и, шатаясь под ношей, пошел по улице. Карл пошел следом за ним. Неужто этот человек и в самом деле поможет матери? Может, он отвезет ее в больницу?

За поворотом стояла телега. Лошадей в упряжке не было. Всех лошадей (Карл это уже знал) съели во время осады. Вместо лошадей в оглоблях стояли несколько оборванных мужчин и женщин. Увидев, что старик возвращается, они двинулись вперед. Телега со скрипом тронулась с места. Карл увидел, что в телеге навалены друг на друга людские тела обоих полов и всех возрастов. Большинство из них были мертвы. У многих на телах зияли громадные раны или отсутствовали части лиц и тел.

— Эй, вы там! Помогите! — буркнул старик.

Один из мужчин, тот, что помоложе, выпростался из упряжи, пошел навстречу старику и помог взгромоздить мадам Глогауэр поверх кучи. Она застонала.

— Куда вы ее увозите? — спросил Карл.

На него никто не обратил внимания. Телега пронзительно скрипела. Карл шел за ней. Время от времени он слышал жалобные стоны матери.

Карл очень устал. Глаза слипались. Он едва различал окружающее. Но он шел и шел за телегой, шел на звук, слыша резкий стук башмаков, шлепанье босых ног, скрип колес, а временами крики и стоны живых пассажиров. К полуночи они достигли одного из отдаленных районов города. Телега с пронзительным скрипом въехала в какой-то сквер. Здесь было много версальских солдат, стоящих на затоптанном газоне. Посреди газона зияло темное пятно. Старик что-то сказал солдатам, а затем он вместе со своими компаньонами начал разгружать телегу. Карл пытался в темноте разглядеть, где его мать. Оборванные мужчины и женщины таскали тела в сторону темного пятна и там сбрасывали их. Теперь Карл увидел, что это была свежевыкопанная яма, в которой было множество тел. Он всматривался в темноту, уверенный, что различает среди стонов раненых голос матери. Не было ни малейшего сомнения в том, что раненых собираются похоронить вместе с мертвыми. В обступивших сквер домах оконные ставни были закрыты, огни погашены. Подошел солдат и оттащил Карла прочь от могилы.

— Проваливай, — сказал он. — Или окажешься вместе с ними.

Скоро телега снова уехала. Солдаты уселись возле могилы и раскурили трубки, громко пеняя на трупную вонь, которая становилась уже непереносимой. Из рук в руки передавалась бутылка вина.

— Я буду рад, когда все это кончится, — сказал кто-то.

Карл сидел на корточках, прислонясь к стене одного из домов, пытаясь различить голос матери среди стонов и воплей, доносящихся из ямы. Ему казалось, что он явственно слышит, как она умоляет вытащить ее оттуда.

К тому времени, когда забрезжил рассвет, голос ее затих. Со скрипом вернулась телега, груженная новыми телами. Эти тела также были сброшены в яму. Затем послышалась команда офицера. Солдаты неохотно поднялись на ноги, составили винтовки и подняли с земли лопаты. Затем они начали забрасывать тела землей.

Когда солдаты закончили свою работу, Карл поднялся, и побрел было прочь.

Солдаты побросали на землю лопаты. Видно было, что они подбодрились. Появилась еще одна бутылка вина. Один из солдат заметил Карла.

— Эй, молодой человек! Раненько поднялся.

Солдат взъерошил Карлу волосы.

— Небось, любопытство чуть свет на улицу выгнало, а?

Солдат приложился к бутылки, а затем протянул ее Карлу.

— Не хочешь глотнуть?

Он засмеялся.

Карл улыбнулся ему в ответ.

Карл учащенно дышит и извивается на кровати.

— Что ты делаешь? — шепчет он.

— Тебе не нравится? Впрочем, тебе не обязательно это должно нравиться. Это не всем нравится.

— О, Бог мой! — говорит Карл.

Чернокожий встает. Его тело поблескивает в слабом свете, сочащемся из окна. Движения грациозны. Он отходит назад, исчезая из поля зрения Карла.

— Думаю, тебе лучше поспать. Еще достаточно времени.

— Нет...

— Ты хочешь еще?

Пауза.

— Да...

КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ? (2)

Вы в руках тайной полиции. Вас приводят в какое-то помещение.

Вам говорят, что вы можете сохранить жизнь членам вашей семьи лишь в том случае, если согласитесь помочь.

Вы согласны помочь.

Перед вами стол, накрытый тканью. Ткань сдерживают, и Вы видите несколько предметов. А именно: детские штанишки с ляжками, «смит-вессон» 45 калибра, зонтик, здоровенный том «Дон Кихота» с иллюстрациями Дорэ, два одеяла, банка меда, четыре бутылочки с какими-то лекарствами, велосипедный насос, несколько пустых конвертов, пачка сигарет «Салливан», эмалированный значок (голубой) с числом 1900 (золотом), часы-браслет и японская безделушка.

Вам говорят, что вы должны всего-навсего выбрать правильный предмет, после чего Вы сами и ваша семья будут тут же освобождены.

Ни один из этих предметов Вы прежде никогда не видели. Вы говорите им об этом. Они кивают. Все в порядке. Им это известно. Выбирайте.

Вы пялитесь на предметы, пытаетесь понять скрытый в них смысл.